

УДК 811.161

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/11

РУСИНСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ИДИОМАТИКА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА*

Н.Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет
Россия, 308009, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru, SPIN-код 7473-0587

Авторское резюме

На фоне специфики развития русинской лингвокультуры рассматриваются дискурсивно-когнитивные факторы формирования универсальных и уникальных свойств русинско-восточнославянской идиоматики. Проводится мысль: несмотря на то, что русинская идиоматика представляет специфическое этнокультурное пространство, возникшее в процессе длительного взаимодействия русинского языка со словацкой, польской и паннонской диалектными стихиями, она своими ценностно-смысловыми архетипами – образами, которые повторяются в ходе исторического развития лингвокультуры, связана с восточнославянской фраземикой. Становление фразеологических универсалий и уникалий в русинском и других восточнославянских языках связано с механизмами ассоциативно-образного отражения в языковом сознании потомков русичей окружающего мира и самобытного «языковлечения» возникших таким способом дискурсивно-модусных концептов. Именно эти когнитивные структуры в силу сосредоточенности в них многопланового смыслового содержания диктумного и модусного характера обуславливают общее и специфическое в идиоматике русинского и современных восточнославянских языков.

Ключевые слова: русинский язык, восточнославянские языки, идиоматика, дискурсивно-модусный концепт, лингвокультурема, языковые картины мира.

RUSIN-EASTERN SLAVIC IDIOMS IN THE VIEW OF THE DISCOURSE THEORY**

N.F. Alefirenko

Belgorod State University, 85 Pobeda Street, Belgorod, 308009, Russia
E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Abstract

The discursive-cognitive factors of forming universal and unique features of Rusin-Eastern Slavic idioms are studied in the view of the specificity of Rusin lingua-culture. The main idea consists in the fact that Rusin idioms are a specific ethnocultural space that appeared during the long period of the interaction between the Rusin language and Slovak, Polish, Pannonia dialect spheres. Yet, Rusin idioms are connected with Eastern phrasemics by their axiological archetypes as patterns repeating in the process of

* Работа выполнена в рамках госзадания НИУ БелГУ (№ 241).

** The research is made under the state task of Belgorod National Research University (No. 241).

historical evolution of lingua-culture. The formation of universal and unique factors in the Rusin and other Eastern Slavic languages is connected with the mechanism of associative-descriptive representation of environment in the linguistic consciousness of the Rusich descendants. The mechanism forms the original verbalization of discourse-modus concepts. These cognitive structures determine the basic and specific factors of idioms in the Rusin and Eastern Slavic languages due to the concentration of the dictum and modus nature in the multidimensional semantic context.

Keywords: Rusin, Eastern Slavic languages, idioms, discourse-modus concepts, lingua-culture, language world views.

Актуальность поднимаемой в работе проблемы предопределяется несколькими факторами: а) местом русинского языка и его идиоматики в восточнославянском и шире – общеславянском языковом пространстве; б) генезисом идиоматики, обуславливающим ее этнокультурные *универсалии* (общие для всех славян и, прежде всего, русичей) и этнокультурные *уникалии*, сосредоточившие в себе специфические для идиоматики каждого из родственных языков ценностно-смысловые акценты; в) непознанными еще речемыслительными *механизмами*, отвечающими за формирование на базе общеславянской народной лингвофилософии самобытных для каждой этнокультуры фразеологических образов (Мельник 2001), благодаря которым общеславянская картина мира (КМ) подвергается не только явным, но и имплицитным этноязыковым интерпретациям (Алефиренко 2010: 8). В качестве главного камертона, задающего поиск путей решения данной проблемы, служит русинский язык (сами русины¹ называют его «руски язык»). Это славянский микроязык (Дуличенко 1981), представляющий собой в плане генезиса, как метафорически выразился В.М. Мокиенко, весьма многослойный пирог, «замешанный, вне сомнений, на добротном славянском тесте» (см. предисловие: Вархол, Івченко 1990: 6). Этим, собственно, и объясняется, на первый взгляд, непривычное сочетание в названии статьи: *русинско-восточнославянская идиоматика*.

В плане лингвогенеза русинская фраземика многочисленными нитями связана с общеславянским фразеологическим тезаурусом. Ср.: *русин. мати материнске молоко на бороді (попуд носом)*² – слишком молодой и неопытный для серьезного дела; *укр. (ще) губи в молоці у кого, (ще) молоко на губах не обсохло кому, (ще) молоко на губах не висохло кого; блр. малако на губах не абсохла; болг. мляко по устните не е обезводнено; словацк. mlieko na pery nie je vyschla; польск. mleka w ustach nie jest wysuszona; хорв. mlijeko na usnama ne suši; русин. не рыба, не мясо – разг. неодобр. неизм. 'ничем не выделяющийся, безвольный, заурядный человек'; укр. ні риба ні м'ясо; блр. ні рыба ні мяса; болг. нито риба, нито птица; хорв. ni ribe ni ptice* и др. По общеславянской модели в каждом

славянском языке возникли весьма оригинальные образы (*словацк. ani ryba ani rak; польск. ani pies, pi wudra; рус. ни рыба ни мясо* – его полный вариант *ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса* и его аналоги: *ни богу свечка ни черту кочерга, ни пава ни ворона, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, середка на половине, ни то ни се*. Причем в украинском языке данная фраза является полисемичной. Ср.: первый фразеосемантический вариант: «безвольный, заурядный человек»: «*Казна що!*» – *про нього кажуть. Він як сонна муха «лазить».* *За що візьметься – псує, Бо чуже, а не своє. Лихо з таким справу мати. То ж не варто довіряти! Про такого кажуть часом: «Він не риба і не м'ясо!»* (А. Полосин). В этом же значении в украинской речи употребляются одномодельные синонимические фраземы *ні риба ні м'ясо ні галифе ні ряса; ні рак ні риба; ні пава ні гава; ні жарене ні парене, ні два ні півтора, ні швець ні жнець* (<ні швець, ні жнець, ні в [на] дуду грець), а также интерпретационные (возникшие по другой модели) синонимические варианты *як з клоччя батіг, як сонна муха*. Второй фразеосемантический вариант: «что-либо крайне неопределенное, невыразительное»: 1. *Ні риба ні м'ясо – і в раки не годиться* (укр. посл.); 2. – *Ні риба ні м'ясо, а щось наче гриб маслючок!* – *нагадує* (Є. Гуцало). К данному фразеосемантическому варианту имеется синоним *ні се ні те, ні в тин ні в ворота*. Русинская идиоматика представляет специфическое этнокультурное пространство (Ганудель 1985, 1986), возникшее в процессе длительного взаимодействия русинского языка со словацкой, польской и паннонской диалектными стихиями (Fejśa 2014: 182). Ср.: *воду до Дуная ляти, сипати до діравого міха* – «выполнять бессмысленную работу»; *мусиш вельо галушок поїсти* – «не скоро что-либо произойдет»; *цигане в брюсі гравають кому, цигане са по череві б'ють кому* – «очень голодный»; *поможе як мертвому кадило* – «совсем не может помочь».

Часть расхождений между русинской и восточнославянской идиоматикой объясняется этнографическим и хозяйственным факторами (Панькевич 1958). Так, практически у всех славян обряд сватовства предполагал церемонию угощения сватов. При этом угощения имели разный смысл. Одно дело – прием сватов от желанного парня, и совсем другое, если они появлялись от нелюбимого. В украинской культуре фраза *дати гарбуза* – шутил. «отказать сватающемуся»; *покуштувати (взяти, дістати, з'їсти) гарбуза* – перен. шутил. «получить отказ при сватовстве» своим возникновением обязана старинному обычаю преподносить нежеланному жениху якобы в качестве символического угощения тыкву (укр. *гарбуз*). Русины в такой дискурсивной ситуации также используют «угощение», в результате которого появились достаточно хлесткие фраземы: *почастовати як пса, пом'їй дати кому, пом'їями почастовати* – «отказать при сватовстве».

Значение «не к лицу» в русском языке выражается фраземой *идет как корове седло*, в белорусском *ідзе як карове сядло*, в украинском *іде як корові сідло*. В русинском же языке – *пасує як псу дзвоник* или *пасіє як п'ясть на око*. Первая фразема сохраняет лишь отдаленный намек на эталонный образ: при свободном выпасе на шею коровы вешали колокольчик, чтобы ее легче было найти. Вполне очевидно, что звонок на шее собаки выглядит так же несуразно, как седло на корове.

Некоторые русинские и украинские фраземы с одинаковым компонентным составом имеют разные значения: *русин. як мокро горить (повідати)* – «бесстыдно лгать»; *укр. як мокро горить*; *блр. як мокрае гарыць* – «что-либо очень медленно происходит, делается без какого-либо желания» (синоним *як через пень колоду* (тягти); ср. в чешском (редкое) *jako když mokré hoří*). В русском языке данная фразема переводится описательно.

Примечательно, что русинская идиоматика не была ассимилирована соседними лингвокультурами. Фраземика русинов, сохраняя материнскую народнопоэтическую мудрость, испытывала незначительное влияние иноязычной идиоматики. Главным фактором сохранения материнской идиоматики была изолированность русинов: предки современных русинов проживали в условиях гористой местности, в окружении иноязычного и зачастую иноконфессионального соседства. Благодаря этому обстоятельству, как свидетельствует идиоматика, русины сумели сберечь многие культурные традиции Древней Руси, свой древний язык, сохраниться как этнос (в большинстве своем они сохранили русинское самосознание, историческую память и понимание единства всех русичей). Вместе с тем на русинскую идиоматику, несомненно, оказали влияние западнославянские языки: ранее – польский, в наше время – словацкий.

Сохраняющиеся в русинской идиоматике архаичные черты праславянского языка и результаты более позднего влияния на нее контактирующих языковых стихий обусловили нынешний ее статус. В русинской и шире – восточнославянских языковых картинах мира (ЯКМ) фраземика является порой единственным источником понимания многообразия славянской лингвокультуры. Будучи косвенно-производным средством вербализации ассоциативно-образного отражения этнокультурного сознания каждого народа, идиоматика играет роль хранителя ценностно-смысловой ауры славянской ментальности в виде ее самобытных интерпретаций в восточнославянских и смежных с русинским миром славянских языках. Такого рода этноязыковой статус идиоматики обусловлен ее многомерным дискурсивно-синергетическим происхождением. Если, разумеется, под дискурсом понимать не просто речь, а сложное

коммуникативно-когнитивное образование, в состав которой входят не только речевые, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки, вербализуемые события, участники этих событий и обстоятельства, сопровождающие их), играющие важную роль при порождении фразеомобразующих концептов. Особенно важно при этом определить глубинные когнитивно-дискурсивные механизмы, сформировавшие общую и вместе с тем многоликую восточнославянскую идиоматику, в связи с вызовами XXI в.

В публикациях, в которых делается попытка решить эту непростую проблему, наметились два диаметрально противоположных подхода. Видимо, идея глобализации побудила многих лингвистов искать во фраземике главным образом проявления языковых универсалий. В восточнославянском, в том числе и русинском этноязыковом пространстве они лежат на поверхности. Ср.: *блр.*: *лупиць як сідараву козу*, *рус.* *драть как Сидорову козу*, *укр.* *лупцювати як Сидорову козу*. Имеется такая же идиома и в русинском языке, где она, однако, лишена ономастического компонента: *драть (скопать) ако финанс козу / копат як финанс козу* (букв. «драть, колотить как сборщик налогов козу»). Кстати, и в соседних с русинским языках фраземы вместо онима содержат имена нарицательные: в польск. *дьявол (wyruchtował jak diabeł kozę, диал. wyfikół jak diobół koze* – букв. «избил, измолотил как дьявол козу»), в *латыш. coced (pērt kā kaimiци āzi, dīrāt (mizot) kā kaimiци aži* – букв. «бить (драть, лупить) как соседскую козу»). Более того, русины используют устойчивый сравнительный оборот и в другом значении: *перевесті як фінанс козу* – «обхитрить, одурачить, надуть кого-нибудь», что соотносится с *блр.* и *рус.* глаголами *лупиць / драть. Лупить* – 1. разг.-сниж. а) очищать от шелухи, кожуры, скорлупы, б) сдирать, обдирать (кору с дерева); в) сильно бить, колотить кого-л., что-л.; 2. разг.-сниж. назначать непомерно высокую цену, брать слишком большую плату за что-л.

Очевидно, более корректно говорить не об этноязыковой идентичности фраземике славянских языков, а о родстве их коцептосфер, поскольку в каждом из этих языков имеются фраземы, самобытно репрезентирующие одни и те же концепты. Как, например, концепт «Непримиримость»: в *блр.* – *найшла каса на камень*, *рус.* – *нашла коса на камень*, *укр.* – *найшла коса на камінь* в значении «столкнулись непримиримые взгляды, интересы, характеры». Однако дискурсивно-когнитивный анализ и в таких случаях позволяет выявить и объяснить их этноязыковое своеобразие. В *блр.* глагольный компонент *найшла* имеет вариант *наскóчыла*, в *укр.* – глагол *наскóчила* является инвариантным, который варьируется глаголами *найшла, натрапила* и *потрапила*. Еще более значительные

различия наблюдаются в фраземе русинского происхождения тоже с компонентом *коза*: *русин. да его и на козі не пудьїдеш; рус. на козе не объедешь* кого – «не проведешь, не перехитришь, не обманешь». Если в русском языке варьируется только субстантивный компонент *на козе (на кривой, на вороньих) не объедешь* кого, то в украинском замене подлжит все означающее: *у дурні не пошиєш* кого. В белорусском языке образ козы и вовсе отсутствует. Значение «не перехитрить кого-либо» выражается синонимами, возникшими на других образах: *на лапці не аб'ехаць; не дасць сябе за вус закруціць; і ў ступе таўкачом не траніш*. В русском имеется синоним *на мякине не проведешь* кого (от паремии *старого воробья на мякине не проведешь*), а в украинском это же значение выражается всей паремией *старого горобця на полові не обдуриш*. Подобного рода примеры свидетельствуют о генетической общности системы базовых концептов (Франко 2006; Пилипчук 2008; Демешкина 2011: 165) в языковом сознании восточных славян. Так, в современном восточнославянском языковом сознании имеется концепт «упрямый», но для его репрезентации каждый из родственных языков предлагает «свои» фраземы (Венжинович 2012: 59), содержащие одну ту же пропозицию, служащую источником порождения этого фразеобразующего концепта. Она проецирует в структуре концепта общую для репрезентирующих его фразем семантико-прагматическую константу – «бывалого человека не обхитрить». Однако такие дискурсивно-прагматические отношения, выражающие общую схему пропозиции, хотя и закрепляются за одним и тем же концептом, все же могут использовать разные образы, вызывающие в языковом сознании близкие дискурсивно-модусные смыслы. Русский и украинский языки в этом случае эксплуатируют все тот же образ козы: *на козе не подъедешь к кому // на козі не підїдеш до кого* – «упрямый, несговорчивый». Белорусский язык для выражения данного значения использует образы воробья и лисы. В первом случае употребляется фразема поговорочного происхождения. Ср.: *Старога верабя на мякіну не зловіш (не падманіш) > на мякіне не падманіш, (не зловіш)*; синоним с более удаленными ассоциативно-образными связями глагольной словоформы *не зловіш > не падманіш: і ў рэшаце не зловіш*, а также фразема иного дискурсивно-когнитивного происхождения: *старога ліса не ашукаеш*. Последняя фразема построена на сочетании символического значения слова *лис* – «лицемерие, коварство, вероломство, хитрость», переносного значения прилагательного *старый* – «опытный, бывалый» и прямого значения глагола *ашукаць* – «обмануть».

В результате таких дискурсивно-когнитивных преобразований общей для всех русичей этнокультурной константы в современных вос-

точнославянских языках посредством разных вариаций *совмещенной* (парадигматической и синтагматической) *асимметрии* развиваются специфические несоответствия означаемого означающему. Так, в более архаичной русинской идиоматике используется охотничий код (*ити з бубном на заці* – «преждевременно раскрывать тайные намерения»), а в белорусском, русском, украинском – игровой код: *раскрываць свае карты / раскрываць <свои> карты / розкривати карти* – разг., экспрес. «переставать скрывать свои намерения, замыслы, планы». Парадигматическая асимметрия фраземы приводит к несоответствию ее смыслового содержания означающему (в его прямо-номинативном восприятии). Например: *махати руками як бог над Чабинами, махнути руков як бог на Татры, махнути руков як Ісус на Стропковы, махати руков як Христос на Карпаты, махнути руков як чорт на Восенов, махнути руками як Донатко на Собеску ровень* – «перестать обращать внимание; отказаться». Ср.: *блр.* *махнуць рукой* на каго-што; *укр.* *махнути рукою* на кого-що. Такого рода знаки рассматриваются нами как некие лингвокультуемы с парадоксальным, на первый взгляд, устройством.

Асимметрия лингвокультурем русинского происхождения обнаруживается при их сопоставлении с разными восточнославянскими лингвокультурами, когда синтагматические и парадигматические несоответствия проявляются между знаками и обозначаемыми реалиями. Ср.: *русин.* *не стояти за галер (за грайцарь)* «незначительный человек»; *рус.* *мелкая сошка* – «незначительный человек, с которым никто не считается»; «никудашный человек»; *блр.* *абсеваку полі* – «ничего не стоящий человек, хуже других, заслуживающий презрения»; *укр.* *не вартий (ломаного) гроша (шага, шеляга, фунта, клоччя)* – «никчемный, хуже всех» (рус. фразема *ломаного гроша не стоить* не допускает вариаций компонентного состава). В иной коммуникативно-прагматической ситуации, когда требуется выразить иронически-презрительное отношение к человеку, который сам о себе много мнит, переоценивает свое общественное положение, в русинской лингвокультуре используется идиома *аній як багов, не стояти ане за багов (багов – ‘табак)* – «никчемный человек»; а в русской *шишка на ровном месте (прыщ на ровном месте, на голом месте плешь, пустое место, ноль без палочки, мыльный пузырь)*; в украинской – *чи й не пуп землі* или *не велике цабе (чи й не цабе)*, где *цабе* – погонный окрик для быков, запряженных в телегу.

Как показывает анализ, когнитивные факторы становления русинско-восточнославянской фраземики связаны с механизмами ассоциативно-образного отражения в языковом сознании русичей окружающего мира и «оязыковления» возникших таким способом образных струк-

тур фраземами. Отталкиваясь от такого рода обобщений, появилась тенденция говорить о различиях русинско-восточнославянских ЯКМ. Как показали наши исследования, фраземодеривация – многоканальный дискурсивно-когнитивный процесс, благодаря которому, собственно, и создается своеобразная субъективно-объективная аура ЯКМ потомков русичей в современных восточнославянских языках. Русинско-восточно-славянская КМ – это **самое общее** представление о том, как устроен наш мир, что от него можно ждать, **что́** в нем происходит и **как** в нем можно действовать.

Языковые же КМ русинов, белорусов, русских и украинцев – это 1) продукт вторичного отражения в языке действительности, являющегося результатом этнокультурного преломления в человеческом сознании реалий окружающего мира (Folder 2005); 2) исторически сложившиеся в обыденном сознании данного этноязыкового сообщества и вторично вербализованные представления о его среде обитания; 3) определенный способ *концептуализации* интерпретируемых объектов внешнего и внутреннего мира человека, воспринимаемых сквозь интеллектуально-эмоциональную призму ранее сформировавшегося этнокультурного фильтра. Отфильтрованные в процессе такого отражения мыслительные копии внеязыковых реалий форматируются в виде дискурсивно-модусных концептов (см.: Алефиренко 2015: 217), структура которых определяется ассоциативным взаимодействием нескольких смысловых слоев. Сущность дискурсивно-модусного концепта во многом определяется его смысловым содержанием диктумного и модусного характера, синергетически фокусирующем в себе когнитивную, культурологическую и дискурсивную информацию, которая даже в родственных восточнославянских языках подвергается разной интерпретации.

Кодирование фразеомобразующими компонентами субъективного опыта осуществляется на двух взаимосвязанных уровнях познания: поверхностном и глубинном. На поверхностном уровне структурируется чувственно оформленное представление о мире, а на глубинном – его рационально-эмоциональное осмысление. Начальный этап возникновения образа является переходом от одной чувственной данности к другой, от поверхностных структур к более глубинным. Например, *русин. злату звїзду на чалї хотїти* (звїзда – «звезда, зірка»), *зліїтїй коч хотїти* (коч – вид фазтона) – «мечтать о чем-либо неосуществимом»; *рус. [строить] воздушные замки* – «мечтать, строить иллюзии, смотреть на мир сквозь розовые очки, преувеличивать позитивное в реальной действительности, что в дальнейшем может привести к разочарованию». Начальным этапом возникновения образа русинской фраземы служила поверхностная и

чувственно-размытая картинка обретения золотой звезды или золотого фазтона, а русской фраземы – представление о нереальном замке. Ср.: *блр. паветранья замкі*. В украинском языке, кроме фраземы *повітряні замки*, появились на этноязыковом материале синонимы *химери ганяти, у хмарах літати, надхмарні замки (будувати)*. Эти представления проецируются семантикой свободно синтаксических прототипов фразем. Они стимулируют ассоциативный поиск стоящего за ней концепта, содержащего послойную смысловую интерпретацию воображаемого. В итоге появляется представление о чем-то фантазийном, невыполнимом, несбыточном.

Итак, фразеологические номинации общего восточнославянского генезиса сохраняют (в явном или скрытом виде) синергетику генетического родства этноязыкового сознания русин, белорусов, русских и украинцев с дискурсивным контекстом, породившим ту или иную фразему. Их когнитивную сущность предопределяет способность: 1) кодировать знания; 2) трансформировать, интерпретировать и обогащать исходную информацию; 3) «оязыковлять» продукты концептуализации и категоризации дискурсивной деятельности.

Дискурсивные различия, которые обусловили формирование вариативного своеобразия в русинско-восточнославянской ЯКМ, возникли уже в начале XIII в. в связи с образованием на восточнославянских землях национальных языков (белорусского, русинского, русского и украинского). Как свидетельствуют письменные памятники того времени, процесс возникновения фразеологического своеобразия восточнославянских языков был длительным. Некоторые их особенности, составляющие фразеологическую специфику каждого из формирующихся языков, связаны с модификацией истоков общеславянской идиоматики, другие появились на столетие раньше XIII в. или на столетие позже. Более определенные хронологические границы не только в рамках идиоматики, но и вообще между «русскою мовою» и новыми восточнорусскими языками провести крайне сложно. Тому имеется два объяснения. Первое связано с тем, что до конца IX в. все изменения в языке русичей (за неимением письменности на автохтонной основе) происходили в сфере устного дискурса. Второе относится к раннеписьменному этапу. Дело в том, что, хотя к XIII ст. на общем для русичей пространстве и развиваются дискурсивно-разговорные различия на разных языковых уровнях, в письменной речи даже в XIV-XV вв. сохранялось господствующее влияние древнерусского языка.

Особенно значимыми локальные варианты оказались в области возникновения фразем для репрезентации дискурсивно-модусного фрагмента каждой из этноязыковых КМ, развивающихся из недр само-

бытной речеповеденческой стихии. Становление самобытной идиоматики, с точки зрения дискурсивно-прагматического подхода, объясняется специфическими для каждого из формирующихся этносов проявлениями внутренней речи, обуславливаемыми разными конфигурациями ее вербальных и невербальных компонентов. Поскольку последние служат словесными и несловесными знаками дискурсивного мышления, внутреннюю речь следует, как нам представляется, считать протодискурсивной для современных фраземосистем категориями.

Как доказал Н.И. Жинкин (Жинкин 1982), во внутренней речи, наряду с предметными образами, есть и отголоски речевой интонации, и даже отдельные слова, все то, что когда-то было запечатлено в виде универсально-предметного кода (УПК) – нейрофизиологического субстрата мышления. Поскольку УПК внутренней речи является не чисто предметно-схемным, а «смешанным», он приводит в действие механизмы лингвокреативного мышления, которые в процессе идиоматизации производят субъективный отбор как предметных образов, так и вербальных прототипов будущей фраземы. В итоге предметно-схемный код, превращаясь в предметно-изобразительный «язык» внутренней речи, способствовал возникновению вариативных различий в сфере общевосточнославянской фраземики. Смыслообразующим звеном преобразования УПК в означаемое фраземы служит введенное Г.Г. Шпетом понятие «предметный остов» знака (Шпет 2003).

С одной стороны, он несколько отличается от УПК, а с другой – от внутренней формы фраземознака. Если УПК – посредник между познаваемым объектом и фраземознаком, то предметный остов – элемент смысловой структуры фраземы. Это **образ**, но образ амодальный, образ уже осуществившегося или будущего предметного действия. Такой образ в даже генетически близких лингвокультурах может выражаться если не разными, то вариативными фраземами. Так, намерение пригрозить кому-либо обычно обретает предметный остов-образ, в пределах которого кодируется амодальное содержание: «адресат может быть (или будет) наказан, проучен». Это сугубо амодальная программа будущего предметного действия, где зрительный образ еще не сформирован. Он формируется в дискурсивной деятельности вместе с выбором того или иного свободно синтаксического прототипа.

В разных русинских говорах, например, семантические структуры фразем могут содержать общий интенционал «побить» с разными, однако, импликационалами. *Русин.*: *натягнути скору* кому – «избить» (Остр.); *збити як сніп жьїта* – «сильно побить» (Св.); *дати поза уха* кому – «избить» (Сп.); *в'їтерти попуд хвуст* кому – «избить» (Остр.); *духа*

дати кому – «побить» (Д.); *наклепати зуби кому* – «побить» (Остр.); *полічити зуби кому* – «побить» (Остр.); *наклепати косу кому* – «обить» (Остр.); *нарунати кустя кому* – «побить» (Остр.); *в'їбити порох з кого* – «побить» (Т.); *пораховати ребра кому* – «побить»; *моталиці їмати* – «оказаться сильно побитым» (Остр.); *збити як пса кого* – «жестоко избить» (Гр.); *збити як зелене ж'їто кого* – «немилосердно избить» (Ор.); *збиті на болото кого* – «избить, не оставив живого места» (Вав.); *збити як сніп ж'їта кого*; *змолотити як ж'їто кого* – «очень сильно избить» (Гр.; Кл.); *розбити на цімпер-цмпер* – «полностью уничтожить» (Ор.; П.). Ср.: *рус. давать духу кому* – «побить кого-л.», *давать прикурить кому* – «избить кого-л.», *дать березовой каши* – «побить», *намылить шею (голову) кому* – «проучить (кого-либо), наказать, побить кого-либо», *задать (устроить) взбучку, задать (устроить) баню* – «сильно отругать», *задать жару, устроить взбучку, дать нагоняй, задать чесу* – «побить, отделать», *спустить шкуру (десять шкур спустить, спустить три шкуры), всыпать по первое, задать трепку*. Часть таких фразем чаще используются в качестве угрозы типа *рус. показать, где раки зимуют кому, костей не собрать; спустить (содрать) шкуру с кого, стереть в порошок кого, разделить под орех кого*.

Особую роль при формировании этноязыковых различий в корпусе восточнославянской идиоматики играет преобладание во внутренней речи смысла фразеомобразующих слов над их значениями. Поскольку смыслы слов более динамичные и широкие, чем их значения, при возникновении этноязыковой специфики фразем обнаруживаются иные законы их объединения и слияния друг с другом, чем сочетание словесных значений. Они позволяют реализовать весьма широкие ассоциативно-метафорические связи, которые на уровне языкового сознания закрепляются асимметрической конфигурацией означаемого и означающего фраземознака.

Без предметно-схемного кода внутренней речи фраземосемиозис немислим. Более того, естественный язык служит средством выработки того субъективного кода, который затем порождает различия в идиоматике. В процессе формирования разных русинско-восточнославянских фраземосистем такое порождение осуществляется путем разного дискурсивно обусловленного переосмысления значений фразеомобразующих лексем. Именно интенциональность дискурса перестраивает известные речевые структуры для использования их в целях не прямой (вторичной и косвенной) номинации. Такого рода обновление языка происходит в непрерывном режиме, так как содержание дискурсивного мышления значительно больше, чем стандартные, узуальные возможности языка.

Этим, собственно, и объясняется, почему зарождение мыслительных структур, обуславливающих самобытную фразеологическую номинацию, осуществляется в предметно-изобразительном коде.

Заключение. Когнитивный механизм специфического русинско-восточнославянского фразеомобразования состоит из двух блоков – предметно-изобразительного и речедвигательного кода. На первом этапе мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена. Бесконечность отражаемого мышлением мира обеспечивает неисчерпаемые возможности постоянного порождения во внутренней речи идиоматических образований. Их необходимость стимулируется объективными факторами человеческого мышления. В процессе речевого общения, кроме логического, вырабатываются еще два особых языка ассоциативно-образного мышления.

Как известно, образные представления и чувствования сами по себе не передаваемы. Для этого нужен такой язык, при помощи которого можно управлять появлением у адресата тех представлений и чувствований, которые испытывает адресант. Это достигается путем введения в язык новых механизмов. Один из них управляет надсинтаксическими структурами (например, парадоксальными сочетаниями фразем типа *семь пятниц на неделе* – «кто-либо часто меняет свои решения, намерения, настроения и т.п.»). Коммуниканты могут не знать, что в старину пятница была базарным днем, когда исполнялись долговые обязательства. И все же они, как правило, улавливают общий парадоксальный смысл фраземы. Второй механизм стимулирует косвенные формы изобразительной вербализации денотативных ситуаций типа *выносить сор из избы* – «разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми». Вторая фразема имеет свободносинтаксический прототип. Поэтому конструктивными составляющими механизма самобытного русинско-восточнославянского фразеомобразования служат синтаксическая позиция знака в высказывании (фразема употребляется в функции сказуемого) и мифические представления древних славян о том, что сор (мусор), вынесенный из избы, навлекал на дом неприятности. Так создается двухэтапный механизм образного мышления, который задает новые, более «свободные» правила языковой игры. Ее своеобразие состоит в том, что логический фактор ограничивается, уступая авансцену языкового сознания речемыслительной экзотике: нестандартной денотативной ситуации и «кинетическим мелодиям» и «моторным представлениям».

Протознаковые средства, к которым относится и внутренняя форма русинско-восточнославянских фразем, обуславливаются деятельностным

характером речемышления. Это объясняется тем, что действие содержит в себе также элементы *памяти* и *предвидения*. Без предвидения, без мотива оно не может начаться, без памяти оно не может закончиться, без оценки и контроля оно лишь случайно может быть эффективным. Действие не только связывает между собой настоящее, прошлое и будущее, но и создает для идиоматики собственное время. Для знаков косвенной номинации это чрезвычайно важный фактор, поскольку помимо когнитивных, созидательных, продуктивных (и разрушительных) свойств действие обладает и аффективными свойствами. Действие же в сфере фраземики не может быть беспристрастным. В свое время В. фон Гумбольдт перефразировал декартово понимание действия и страсти: деятельность страдательна, и наоборот. Во фраземике действие и страсть взаимобратимы. Страсть может рассматриваться как внешняя форма фразем, а действие – как внутренняя. Справедливо и обратное: действие – внешняя форма, а страсть – внутренняя. Все дело в точке зрения или в точке отсчета.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этнонимом *русин* – производным от слова *Русь* – именовало себя население Древней Руси; второе самоназвание – руснаки (руснаци); известны также как лемко-русины, руськие, угрорусины, угрорусы, карпатороссы, рутены, русские (Резанова, Шиляев 2015). Уже много веков они проживают в Закарпатье, Восточной Словакии, Сербской Воеводине, хорватской Далмации, Юго-Восточной Польше (Холм – бывшая столица Галицко-Волынского княжества, Перемышль – первая столица Галицкого княжества), Венгрии, севере Румынии (Марамуреше и Сучавском уезде). В статье сохраняется написание русинских фразем по словарю (Вархол, Івченко 1990).

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко 2010 - *Алефиренко Н.Ф.* Идиоматика в языковой картине мира // *Językowy obraz świata słowian a kultura / Pod red. prof. Olega Tiszszenki.* Lublin-Równe, 2010. T. 1. S. 8-14.

Алефиренко 2015 - *Алефиренко Н.Ф.* Фразеомобразующий потенциал дискурсивно-модусного концепта // *Устойчивые фразы в парадигмах науки.* Тула, 2015. С. 217-225.

Вархол, Івченко 1990 - *Вархол Н., Івченко А.* Фразеологічний словник

лемківських говірок східної Словаччини. Видало Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, відділ української літератури в Пряшеві, 1990. 160 с.

Венжинович 2012 - *Венжинович Н.Ф.* Культурно-познавательное пространство украинской и русской фразеологии // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации. Кострома, 2012. С. 59-61.

Ганудель 1985 - *Ганудель З.* До структурної та семантичної класифікації фразеологізмів села Пихонь // Народний календар. СПВ ВУЛ Пряшів, 1985. С. 106-108.

Ганудель 1986 - *Ганудель З.* Генетична класифікація фразеологізмів говірок сіл Пихонь і Видрані // Народний календар. СПВ ВУЛ Пряшів, 1986. С. 33-36.

Демешкина 2011 - *Демешкина Т.А.* Базовые концепты в традиционной культуре и дискурсивных практиках (на материале русских и итальянских пословиц) // *Euroa orientalis*. 2011. № 14/2. С. 165-176.

Дуличенко 1981 - *Дуличенко А.В.* Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981. 323 с.

Жинкин 1982 - *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.

Мельник 2001 - *Мельник Л.В.* Культурно-національна конотація українських фразеологізмів: дис. ... канд. філол. наук. Луганськ, 2001. 206 с.

Мокиенко 1989 - *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.

Панькевич 1958 - *Панькевич І.* До питання генези українських лемківських говорів // *Славянская филология*. 1958. Вып. 3. С. 164-199.

Пилипчук 2008 - *Пилипчук С.М.* Галицько-руські народні приповідки: пареміологічно-пареміографічна концепція Івана Франка. Львів, 2008. 219 с.

Резанова, Шиляев 2015 - *Резанова З.И., Шиляев К.С.* Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // *Русин*. 2015. № 1 (39). С. 239-255.

Толстой 1973 - *Толстой Н.И.* К реконструкции праславянской фразеологии // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов* (Варшава, 1973). М., 1973. С. 272-293.

Франко 2006 - *Галицько-руські приповідки: У 3 т. / Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко: 2-е вид. Львів, 2006. Т. 1. 832 с.; Т. 2. 818 с.; Т. 3. 699 с.*

Шпет 2003 - *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта. 2-е изд., стереотип. М., 2003.

Földes 2005 - *Földes С.* Kulturgeschichte, Kulturwissenschaft und Phraseologie: Deutschungarische Beziehungen // *Deutsche Wortforschung als Kulturgeschichte. Beiträge des Internationalen Symposiums aus Anlass des*

90-jährigen Bestandes der Wörterbuchkanzlei der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 323-345.

Fejsa 2014 - *Fejsa M.* The Ruthenian journey from the Carpathian mountains to the Panonian Plain // Русин. 2014. № 2 (36). С. 182-191.

REFERENCES

Alefrenko, N.F. (2010) *Idiomatika v yazykovoy kartine mira* [Idiomatics in a linguistic picture of the world]. In: Tiszszenki, O. (ed.) *Językowy obraz świata słowian a kultura* [The language picture of the world in the Slavic culture]. Vol. 1. Lublin-Równe. pp. 8-14.

Alefrenko, N.F. (2015) *Frazemoobrazuyushchiy potentsial diskursivno-modusnogo kontsepta* [The phrase-forming potential of a discursive modal concept]. In: Tokarev, G.V. (ed.) *Ustoychivye frazy v paradigmakh nauki* [Set phrases in the scientific paradigms]. Tula: S-Print. pp. 217-225.

Varkhol, N. & Ivchenko, A. (1990) *Frazeologichnyi slovník lemківських говірок шкідної Словаччини* [The Phraseological Dictionary of Eastern Slovak Lemko's dialects]. Presov: Slovak Pedagogical Publishing House.

Venzhinovich, N.F. (2012) *Kulturno-poznavatelnoe prostranstvo ukrainskoy i russkoy frazeologii* [The cultural and cognitive space of Russian and Ukrainian phraseology]. In: Melerovich, A.M. (ed.) *Natsionalno-kulturnyy i kognitivnyy aspekty izucheniya edinitz yazykovoy nominatsiyi* [National, cultural and cognitive aspects of studying linguistic nominative units]. Kostroma: Kostroma State University. pp. 59-61.

Ganudel, Z. (1985) *Do strukturnoi ta semantichnoi klasifikatsii frazeologizmiv sela Pikhon* [To the structural and semantic classification of Pikhon phraseology]. In: *Narodnyy kalendar* [Peoples' calendar]. Presov: SPV VUL. pp. 106-108.

Ganudel, Z. (1986) *Genetichna klasifikatsiya frazeologizmiv govirok sil Pikhon i Vidrani* [Genetic classification of the phraseology of Pykhon and Vydrany dialects]. *Narodnyy kalendar* [Peoples' calendar]. Presov: SPV VUL. pp. 33-36.

Demeshkina, T.A. (2011) *Bazovye kontsepty v traditsionnoy kulture i diskursivnykh praktikakh (na materiale russkikh i italyanskikh poslovits)* [Basic concepts in the traditional culture and discursive practices (a case study of Russian and Italian proverbs)]. *Europa orientalis*. 14/2. pp. 165-176.

Dulichenko, A.V. (1981) *Slavyanskie literaturnye mikroyazyki: voprosy formirovaniya i razvitiya* [Slavic literary microlanguages: problems of formation and development]. Tallin: Valgus.

Zhinkin, N.I. (1982) *Rech kak provodnik informatsii* [Speech as an information conductor]. Moscow: Nauka.

Melnik, L.V. (2001) *Kultuno-natsionalna konotatsiya ukraïnskikh frazeologizmiv* [Cultural and national connotation of Ukrainian phraseologisms]. Philology Cand. Diss. Lugansk.

Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.

Pankevich, I. (1958) *Do pitannya genezi ukraïnskikh lemktivskikh govoriv* [On the genesis of Lemko's dialects]. *Slavyanskaya filologiya*. 3. pp. 164-199.

Pilipchuk, S.M. (2008) *Galitsko-ruski narodni pripovidki: paremiologichno-paremiografichna kontseptsiya Ivana Franka* [Galician-Russian proverbs: paremiological and paremiographical concept of Ivan Franko]. Lviv: Ivan Franko Publishing House.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms "Rusin" and "Rusinian" in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239-255.

Tolstoy, N.I. (1973) [To the reconstruction of Common Slavic phraseology]. *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic linguistics]. The 7th International Congress of Slavists. Warsaw. Moscow. pp. 272-293.

Franko, I. (2006) *Galitsko-ruski pripovidki: U 3-kh t.* [Galician-Russian proverbs. In 3 vols.]. 2nd ed. Lviv: Ivan Franko Publishing House.

Shpet, G.G. (2003) *Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumboldta* [The inner form of the word: Essays and variations on Humboldt's works]. 2nd ed. Moscow: Editorial USSR.

Földes, C. (2005) [The history of culture, cultural studies and phraseology: German-Hungarian relations]. *Deutsche Wortforschung als Kulturgeschichte* [German Word Research as Cultural History]. Proc. of the International Symposium devoted to the 90th anniversary of The Dictionary of the Austrian Academy of Sciences. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. pp. 323-345.

Fejsa, M. (2014) The Rusinian journey from the Carpathian mountains to the Panonian Plain. *Rusin*. 2 (36). pp. 182-191.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного университета.

Alefirenko Nikolai – Belgorod State University (Russia).

E-mail: n-alfirenko@rambler.ru